

© 2001 г., ЭО, № 5

В.А. Лышша

ГОРДОН ЧАЙЛД И АМЕРИКАНСКИЙ НЕОЭВОЛЮЦИОНИЗМ

Неоэволюционистский переворот. В 1940–1950-е годы в культурной антропологии США был осуществлен методологический переворот, значение которого ясно осознавалось современниками. Завершился почти полувековой период абсолютного господства партикуляризма и эмпиризма «исторической школы» Франца Боаса. Современники с воодушевлением говорили и писали о «ренессансе эволюционизма» (К. Клакхон), о всеобщем признании эволюционизма (Дж. Стюард, Д. Бидни) и даже о «великом возрождении эволюционизма» (Р. Мёрфи)¹. И хотя в последующие 1960-е и 1970-е годы эволюционизм не стал господствующим течением, как это было в XIX в., в культурной антропологии США появилось целое поколение талантливых ученых-неоэволюционистов (Маршалл Салинз, Элман Сервис, Роберт Карнейро, Ричард Адамс, Марвин Харрис и др.), которые внесли весьма значительный вклад в науку, опираясь на фундамент, заложенный основателями неоэволюционизма в 1940–1950-е годы².

Как заметил голландский антрополог Хенри Классен, в западной историографии «нередко встречается тенденция изображать возрождение интереса к эволюционизму на Западе как результат крестового похода одиночки, предпринятого американским социологом Лесли Уайтом»³. Это, конечно, не так, ибо добротное здание американского неоэволюционизма столь же добротное держится «на трех китах» – это Гордон Чайлд, Лесли Уайт и Джулиан Стюард.

В российской историографии тоже встречается сходная тенденция: заслуги основателя неоэволюционизма приписываются только Л. Уайту, которому отводится «роль "крестного отца" в появлении современного неоэволюционизма»⁴. Что касается Дж. Стюарда, второго отца-основателя неоэволюционизма и неизменного оппонента Л. Уайта, то ему отводится второстепенная роль одного из лидеров «современной школы неоэволюционистов», которая «в значительной мере сложилась под воздействием историко-философских концепций Л. Уайта»⁵. Но что особенно досадно, так это то, что вклад британского археолога и историка первобытного общества Г. Чайлда в возрождении эволюционизма в американской культурной антропологии вовсе никак не отражен в отечественной историографии⁶. Между тем в начале 1940-х годов он оказал серьезное влияние и на Л. Уайта, и на Дж. Стюарда. На рубеже 1940–1950-х годов популярность Г. Чайлда среди американских археологов и этнологов была поистине огромной. Его книги «Человек делает себя сам» (1936) и «Что случилось в истории» (1942) в течение второй половины 1940-х – первой половины 1950-х годов переиздавались в США по два раза каждая, не считая английских переизданий. Известный американский антрополог Ричард Шэдел, отмечая заслуги Г. Чайлда перед американской археологией, писал: «В своей книге "Что случилось в истории" Вир Гордон Чайлд... непреднамеренно ввел новую парадигму, которая получила признание археологов во всем мире. Стремление углубить интерпретацию этого тандема революционных процессов (двух революций: неолитической и городской. – В.Л.) воодушевляло большую часть археологических исследований в течение 30 лет после выхода книги...»⁷. А не так давно Стивен Сандерсон, представитель третьего поколения неоэволюционистов,

написал критическую историю эволюционизма в антропологии и в главе, посвященной эволюционистскому возрождению в культурной антропологии США, отвел Г. Чайлду почетное первое место⁸.

Лидер британского диффузионизма. Вир Гордон Чайлд, шотландец, родившийся в Австралии, в молодости увлекался социализмом и даже начал свою карьеру как чиновник лейбористского правительства в Сиднее. Однако вскоре он разочаровался в политической деятельности, уехал в Шотландию и поселился в Эдинбурге (в 1922 г.), посвятив свою жизнь археологии и истории первобытного общества. В 1925 г. Чайлд опубликовал книгу «У истоков европейской цивилизации», которая выдержала шесть изданий и принесла ему славу лидера британского диффузионизма. В этой книге он попытался проследить доисторические корни уникальной европейской цивилизации, начиная с заключительного этапа позднего палеолита, и выяснить, откуда берет начало тот особый дух независимости и изобретательности, который привел Европу к промышленной революции. Г. Чайлд убедительно показал, что становление уникальной европейской цивилизации происходило в условиях тесного взаимодействия процессов постплейстоценовой экологической адаптации местного населения, дивергентной эволюции и диффузии достижений культуры – особенно земледелия и бронзовой металлургии – с Востока. Особый дух, «невосточный во всех отношениях»⁹, по его мнению, начинает проявляться уже в бронзовом веке минойского Крита.

В 1927 г. Г. Чайлд стал постоянным профессором Эдинбургского университета, в котором преподавал археологию в течение 20 лет и откуда переехал в Лондон в 1946 г. После работы «У истоков...» он написал еще несколько книг, но наиболее знаменита из них «Древнейший Восток в свете новых раскопок» (1934), которая укрепляла и расширяла фактологическую базу чайлдовского диффузионизма. В этой книге автор утверждал: «Археология доистории и протоистории первобытного Древнего Востока является ключом к правильному толкованию европейской предьстории. Последняя в начальной стадии является, главным образом, историей подражания восточным достижениям или, в лучшем случае, их усвоения. О самих же достижениях мы узнаем из археологии Востока»¹⁰. Свой «догматический ориентализм» Г. Чайлд ослабил лишь в последнем, переработанном издании книги «У истоков европейской цивилизации» (1957). Тем не менее книга «Древнейший Восток в свете новых раскопок», по мнению Л.С. Клейна, лучшего знатока Чайлда в отечественной историографии, «была вехой на пути Чайлда по внедрению марксизма в преисторию», поскольку в ней «впервые интенсивно разрабатывались идеи неолитической и городской революций»¹¹.

Г. Чайлд и советские стадиалисты. После выхода книги «Древнейший Восток в свете новых раскопок» Г. Чайлд впервые (в 1935 г.) побывал в Советском Союзе, где познакомился с работами таких талантливых неопитов марристской теории стадиальности, как Е.Ю. Кричевский, А.П. Круглов, Г.В. Подгаецкий и П.Н. Третьяков. Особое его восхищение вызвала книга «Родовое общество степей восточной Европы» (1935), в которой он нашел не только новые методы социологической интерпретации археологических данных, но и блестящую критику археологических источников¹².

В 1945 г. Г. Чайлд второй раз побывал в Советском Союзе, а затем – еще дважды: в 1953 г. и в 1956 г., сразу после знаменитого разоблачительного доклада Хрущева на XX съезде КПСС.

Стадиальный подход, формирование которого в основном завершилось в 1934 г., представлял оригинальную интерпретацию марксизма в археологии, этнологии и истории, опирающуюся главным образом (хотя не только) на работу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884) и на теорию Н.Я. Марра о стадиальном развитии языка, в которой стадии, имеющие универсальный характер, прямо соотносились с материальным базисом как явление надстроечного порядка и сменяли друг друга в результате «революционных взрывов». Во многих отношениях советские стадиалисты выступали также как прямые наследники классического эволюционизма (Э. Тайлор, Г. Спенсер, Л.Г. Морган), который в Англии и США давно вышел из моды. С классическим эволюционизмом их роднила и вера

в прогресс, и приверженность к однолинейной последовательности восходящего развития, и вера в существование универсальных законов эволюции и широкое использование сравнительной аналогии и «метода пережитков» для реконструкции стадий развития, и вера в существование однозначных функциональных связей между технологией, социальной структурой и идеологией и др.

Вместе с тем наряду со сходствами имелись и очень важные отличия, среди которых прежде всего следует назвать диалектическую трактовку прогресса как восходящего по спирали скачкообразного стадийного развития, источник которого – внутренние противоречия; воинственный автохтонизм, огульно отвергающий диффузию и миграции; классовая теория государства; производственный детерминизм (в теории), обычно редуцируемый до экономического, а нередко и вплоть до технологического детерминизма, и др.

Стремление стадиалистов выявлять законы исторического развития, их методы социоисторической интерпретации археологических данных и их умение «объяснять развитие преисторических культур без обращения к незафиксированному внешним факторам» произвели сильное впечатление на Г. Чайлда¹³. Сразу же по возвращении из Советского Союза он написал небольшую научно-популярную книгу «Человек делает себя сам» (1936), в которой заявил, что высоко ценит марксову «реалистическую концепцию истории» и присоединяется к ней. Он подчеркивал, что «Маркс настаивал на первостепенной важности экономических условий, общественных производительных сил и использования научных достижений как факторов исторического изменения»¹⁴. Г. Чайлд принял и стал настойчиво пропагандировать классовую теорию государства и диалектическую концепцию прогресса с ее «постоянным антагонизмом прогрессивных и консервативных элементов». Но что, пожалуй, наиболее важно с точки зрения неозволюционизма, так это то, что под влиянием стадиалистов Чайлд возродил эволюционистскую периодизацию Моргана: дикость – варварство – цивилизация.

Возрождение схемы Моргана осуществлялось Г. Чайлдом поэтапно. В уже упоминавшейся книге «Человек делает себя сам» он, сохранив классическую археологическую периодизацию (каменный – бронзовый – железный века), значительно углубил ее за счет введения этапов, заимствованных из периодизации Моргана – Энгельса. Шесть лет спустя Г. Чайлд издал новую книгу под названием «Что случилось в истории» (1942)¹⁵, в которой периодизация Моргана проступала уже более явно в таких гибридных терминах, как «палеолитическая дикость», «неолитическое варварство», «высшее варварство медного века» и «цивилизация бронзового века». В конце концов в «Социальной эволюции» (1951)¹⁶, представляющей собой курс лекций, Г. Чайлд вовсе отказался от технологических ярлычков археологической периодизации в пользу этнологической терминологии Моргана: дикость (стадия собирания пищи) – варварство (стадия производства пищи или неолитическая революция) – цивилизация (городская революция). Это изменение было замечено и одобрено Гремом Кларком с экономической точки зрения¹⁷. Однако в дальнейшем Г. Чайлд неоднократно переиздавал первые две книжки, не внося в них никаких изменений.

По сравнению с работой «Человек делает себя сам» в труде «Что случилось в истории» появилось еще одно важное нововведение, о котором стоит упомянуть. Г. Чайлд заявил, что в бронзовом и железном веках возникли четыре типа обществ, отличающиеся друг от друга своими институциональными порядками: основанные на ирригации аграрные общества, в которых «излишки концентрируются в руках сравнительно узкого круга жрецов и чиновников»; классические греко-римские цивилизации, в которых первичные производители и ремесленники были в конечном счете разорены и порабощены; европейский феодализм; современный «буржуазный капиталистический мир»¹⁸. Нетрудно заметить, что четыре названных порядка семантически идентичны четырем марксовым способам производства, на что обратил внимание такой искусный знаток марксистской литературы на Западе, как К.А. Виттфогель¹⁹.

Г. Чайлд хорошо изучил русский язык и внимательно следил за новинками советской

археологической литературы. В 1940-е годы он подготовил ряд обзоров ее для журналов «Man» и «Nature»²⁰. Тогда же он изредка цитировал И.В. Сталина, а в 1951 г. даже назвал его «ведущим толкователем марксизма в наши дни»²¹. В «интенсивно-марксистский период»²² своей научной карьеры Г. Чайлд высоко оценивал достижения советских стадиалистов, особенно выделяя Е.Ю. Кричевского, А.П. Круглова, Г.В. Подгаецкого и П.Н. Третьякова, и не стеснялся открыто признавать, что от них он позаимствовал метод интерпретации археологических данных²³. Неожиданное падение марризма в 1950 г. он воспринял болезненно и в дальнейшем тщательно проводил различие между марризмом и марксизмом. Еще более остро Г. Чайлд отреагировал на разоблачение культа личности Сталина, поскольку прежде знал лишь только внешнюю действительность жизни в Советском Союзе.

Во второй половине 1940-х – 1950-е годы он продолжал проявлять интерес к истории первобытного общества и написал такие книги, как «Шотландия до шотландцев» (1946)²⁴, «Доисторические миграции в Европе» (1950)²⁵ и «Преистория европейского общества» (1958)²⁶. Но с конца 1940-х годов его внимание все более привлекали науковедческие проблемы. Здесь можно назвать такие книги, как «Социальные миры знания» (1949), «Что такое история?» (1953) и «Склеивание прошлого из обрывков: интерпретация археологических данных» (1956)²⁷.

Концепция двух революций, или какого Чайлда признали в Америке. Очень поучительно сравнить, какого Чайлда в 1950-е годы читали у нас и какого в США. Сразу стоит заметить, что Чайлд-научковед не был интересен ни нам, ни американцам. Чайлд-марксист вызывал серьезные опасения у ревнителей чистоты ортодоксального сталинизированного марксизма в Советском Союзе. В 1949 г. была переведена первая и последняя «книжка из интенсивно-марксистского периода творчества Чайлда, но самая невыразительная в этом плане – "Прогресс и археология" (1944)»²⁸. Зато Чайлда-диффузиониста после падения марризма в СССР переводили охотно и читали с энтузиазмом. В 1952 г. была переведена его работа «У истоков европейской цивилизации», а в 1956 г. – «Древнейший Восток в свете новых раскопок»²⁹. Советские археологи и этнологи стремились наверстать упущенное за предшествующие 30 лет.

В то же самое время в США антропологи читали и переиздавали самые влиятельные книги Чайлда «Человек делает себя сам» (1936) и «Что случилось в истории» (1942)³⁰, ставшие библией для его последователей. Те самые книги, которые были написаны им под влиянием стадиалистских идей. Что же так привлекало американцев в марксистских интерпретациях Чайлда? Конечно же, новизна заимствованной у стадиалистов и талантливо истолкованной им эволюционистской интерпретации первобытной истории. Выражая общее мнение американских неозволюционистов, Стивен Сандерсон в своей критической истории неозволюционизма заявил, что «главный конкретный вклад Чайлда в эволюционное понимание преистории представлен именно в этих двух работах»³¹. К тому же Г. Чайлду удалось придать своему марксизму вполне удобоваримую, с точки зрения американцев, форму. По замечанию авторитетного неозволюциониста Э. Сёрвиса, Чайлд сумел «превратить классовую теорию Моргана – Маркса – Энгельса в изощренную антропологическую теорию»³².

Центральная идея книг «Человек делает себя сам» и «Что случилось в истории», воспринятая последователями Чайлда как ведущая идея, заключалась в постулировании и эмпирическом обосновании тезиса о двух великих революциях (неолитической и городской), которые произошли «почти одновременно» в трех различных регионах мира: Месопотамии, Египте и Индии. В специальной статье о «городской революции» (1950) к трем названным выше Г. Чайлд добавил еще цивилизацию майя. Суть «неолитической революции», которую несколько позднее Чайлд назвал «пищепроизводящей революцией», заключалась в одомашнивании животных и культивации растений, что позволило человеку впервые установить контроль над производством пищи. Революция в производстве пищи имела далеко идущие последствия. Прежде всего изменился образ жизни людей: из бродячих охотников и собирателей они превратились в оседлых деревенских земледельцев. Деревенские общины получили возможность

накапливать некоторое количество излишков продовольствия на случай засухи или неурожая. Переход к «производству пищи» и оседлому образу жизни позволил обеспечивать гораздо большее количество населения, чем на стадии «собирания пищи», и, таким образом, рост населения стал вторым важным следствием неолитической революции. Г. Чайлд подчеркивал, что вслед за возникновением производства пищи логически последовали такие важные технологические нововведения, как изобретение глиняной посуды для хранения запасов зерна и тканей из растительных волокон и шерсти животных. Однако разделение труда в неолитических общинах еще долго сохраняло половозрастной характер³³.

«Городская революция» тоже была следствием дальнейшей интенсификации производства пищи, которая могла позволить не только рост численности населения (главный критерий прогресса, по Чайлду), но и извлечь достаточное количество «общественных излишков» для содержания правящего класса и государства. Главной технологической предпосылкой городской революции явилось изобретение плуга. Он «революционизировал» земледелие, облегчив обработку почвы и улучшив ее плодородие. Производительность труда в земледелии повысилась настолько, что стало возможным освободить часть людей от земледельческого труда и занять их в других сферах, важных для жизни общества. В обществе возникло разделение труда по роду занятий: появились ремесленники, торговцы, писцы, жрецы, администраторы и воины³⁴.

Дальнейшее разделение труда и крупномасштабные работы по строительству ирригационных сооружений в долинах Нила, Тигра и Евфрата вели к значительному увеличению «общественного прибавочного продукта», который «концентрировался в руках сравнительно узкого круга жрецов и чиновников». Войны и развитие обмена также усиливали концентрацию богатства в руках правящей элиты. Рост экономического неравенства привел к расколу общества на правящий класс, присвоивший большую долю общественного прибавочного продукта, и эксплуатируемый класс неимущих со скудными средствами к существованию. Раскол общества породил острые классовые конфликты, для регулирования которых класс имущих создал государство.

Введение Г. Чайлдом термина «городская революция» означало, что появление городов он считал наиболее важным признаком тех перемен, которые происходили в жизни обществ бронзового века. В статье «Городская революция» (1950) Г. Чайлд подчеркивал, что он стремился «представить город исторически – или скорее преисторически – как результат и символ "революции", которая положила начало новой экономической стадии в эволюции общества»³⁵. Но поскольку автор статьи называл городской революцией весь процесс перехода от «неолитического варварства» к «цивилизации бронзового века», то, по замечанию Э. Сёрвиса, это давало повод многим исследователям рассматривать возникновение городов не только как признак цивилизации, но и в какой-то степени как ее причину. Многие также стали отождествлять «урбанизацию» со «стратификацией» и возникновением государства³⁶.

Свои представления о сущности городской революции Г. Чайлд суммировал и четко изложил в статье 1950 г. В этой статье он также суммировал свои критерии выделения цивилизации. Этот список включал 10 признаков: наличие городских центров (численность населения: от 7000 до 20 000 чел.); наличие профессиональных ремесленников, торговцев, чиновников, жрецов и воинов, постоянно проживающих в городах; наличие «общественного прибавочного продукта, изымаемого правительством у крестьян»; монументальная архитектура, символизирующая концентрацию излишков; письменность и цифровые знаки; начала арифметики, геометрии и астрономии (сюда входит и ведение календаря жрецами); утонченное искусство; караванная торговля и политическая организация общества, основанная на принуждении – государство³⁷. Нетрудно заметить, что Г. Чайлд суммировал и несколько модифицировал те критерии выделения цивилизации, которые использовали в своих работах Л.Г. Морган и Ф. Энгельс. Что касается чайлдовской концепции «городской революции», то по ее поводу К. Виттфогель язвительно заметил, что она представляет собой «ухудшенную версию идей Маркса и Энгельса (первоначально Адама Смита) о разделении города и дерев-

ни», а самому Чайлду «недостает пронизательности их суждений»³⁸. Сказано резко и, конечно, несправедливо по отношению к Г. Чайлду³⁹. К слову сказать, ни очевидная связь с марксистской методологией, в то время очень непопулярной в культурной антропологии, ни язвительная критика К. Виттфогеля не помешали росту популярности чайлдовских книг в Америке.

Чайлд и партикуляристская традиция. Чем же объяснить неожиданную популярность этих книг среди американских антропологов, воспитанных на традициях боасианского партикуляризма и эмпиризма? Конечно, рано или поздно в среде культурных антропологов США должна была накопиться определенная усталость от бесконечного эмпиризма. Известно также, что в послевоенные годы стала смутно ощущаться некая жажда обновления. Но для восприятия смелых и широких обобщений этого было недостаточно. Ведь Лесли Уайт, который настойчиво отстаивал свои эволюционистские идеи с самого начала 1930-х годов, не встречал понимания у соотечественников. Воистину, нет пророка в своем отечестве!

То, что Чайлд являлся европейцем, а не американцем, вероятно, сыграло известную роль. Но гораздо важнее то, что он получил известность как лидер британского диффузионизма, который внес немалый вклад в традицию партикуляризма (чем Лесли Уайт, конечно, похвалиться не мог). Важно также и то, что, как заметил неэволюционист С. Сандерсон, книги «Человек делает себя сам» и «Что случилось в истории», несмотря на их очевидное теоретическое значение, «были по характеру своего вклада скорее эмпирическими, чем теоретическими»⁴⁰. В этих книгах Г. Чайлд прежде всего излагает историю событий и культурных изменений, параллельно происходивших в каждом из очагов зарождения древних цивилизаций. Книгу по теории эволюции – «Социальная эволюция» (1951) – он написал лишь девять лет спустя. Но что это была за книжка! Значение исторической дивергенции и диффузии в ней подчеркивалось даже больше, чем прежде. Хотя и в предыдущих книгах Г. Чайлд уделял диффузии и исторической дивергенции немалое внимание, рассматривая их как важнейшие механизмы эволюции.

Вот как, например, он объяснял наличие сходств и различий в ходе городской революции в Египте, Шумере и Индии в книге «Человек делает себя сам»: «Какая-то диффузия, очевидно, имела место. Но все же теория одностороннего влияния несовместима с контрастами, обнаруживаемыми при более внимательном взгляде. Городская цивилизация не просто трансплантировалась из одного центра в другой, но органически уходила корнями в местную почву. Если мы хотим привлечь современную аналогию, то установление механизированной промышленности и фабричного производства в Африке или Индии здесь не подходит. Скорее мы должны думать о возникновении этой системы производства по обеим сторонам Атлантики. Америка, Британия, Франция, Бенилюкс делили общую научную, культурную и торговую традицию задолго до промышленной революции. Несмотря на войны и различия обычаев обмен товарами, идеями и индивидами происходил постоянно. Англия, действительно, оказалась в передовом отряде Революции, но остальные страны не просто копировали ее изобретения машин или экономическую организацию; они экспериментировали в том же направлении и делали свои независимые вклады, когда приходило время...

Также и Египет, Шумер и Индия не были изолированы или независимы до революции. Все делили более или менее общую культурную традицию, в которую каждый вносил свой вклад. И она поддерживалась и обогащалась в результате постоянного общения, включающего обмен товарами, идеями и ремесленниками. В этом состоит объяснение наблюдаемого параллелизма»⁴¹.

Как следует из приведенного отрывка, наблюдаемые сходства в ходе городской революции в различных районах мира Г. Чайлд вовсе не стремился объяснить действием единых, универсальных законов, что было характерно для Л. Уайта⁴² и особенно для советских стадиалистов. Что касается последних, то, имея в виду их чрезмерное увлечение поиском универсальных законов, Г. Чайлд в своей прощальной лекции лондонским студентам (1956) сказал: «Универсальных законов социального развития мень-

ше и они менее значимы, чем марристы думали в 1950 г.»⁴³. Г. Чайлд не боялся смелых обобщений, примером чего служат его концепции «неолитической» и «городской» революций. Но он ясно осознавал плюсы и минусы слишком широких генерализаций и границы применения таких генерализаций.

В той же книге «Человек делает себя сам», изложив суть концепции неолитической революции, Г. Чайлд сделал следующую оговорку: «Только что описанная экономика простого производства пищи – абстракция. Наша картина основана на отборе некоторых предположительно важных черт из совокупности наблюдений этнографов над современными "дикарями" и выводов, сделанных на материалах отдельных археологических поселений. Охарактеризованная здесь стадия экономического развития, возможно, никогда не была реализована именно в этой конкретной форме. Только археология могла бы подтвердить наше представление о "неолитической" экономике как об универсальной стадии прогресса на пути к современной цивилизации. Но все, что археология может делать сегодня, это лишь выделять изолированные временные стадии в том, что в действительности представляло непрерывный процесс. Мы молчаливо приняли допущение о том, что сходные фазы реализовывались почти одновременно в нескольких регионах. Но в додинастическое время такую одновременность невозможно подтвердить даже в отношении таких близко соседствующих районов, как Таса в Среднем Египте, Фаюм и Дельта»⁴⁴.

Приведенный пассаж из книги наглядно свидетельствует о том, что в отличие от советских стадиялистов, под влиянием которых писалась эта книга, Г. Чайлд не имел склонности онтологизировать свои научные концепты, скажем, под предлогом того, что они суть «отражение» объективной реальности или процессов. В этом отношении чайлдовский материализм существенно отличался от материализма Л. Уайта, который, основываясь на позитивистском «здравом смысле», доказывал, что наряду с особыми культурами исторических народов (a culture) независимо от исследователя существует и такая объективная реальность, как «культура вообще» (Culture)⁴⁵. Недостаточно искусственный в тонкостях гносеологии Л. Уайт не различал понятия «предмет» и «объект» науки и полагал, что всякая положительная наука должна иметь собственный особый объект исследования, существующий в реальном мире. Для подтверждения этого вывода достаточно сослаться на статью Л. Уайта «Понятие культуры» (1949), где он писал: «Крёбер и Клакхон предложили простое и тактичное решение: пусть психологи имеют дело с поведением, а антропологи занимаются абстракциями поведения. Эти абстракции, мол, и являются культурой».

Заключая такую сделку, антропологи отдали психологам лучшее: реальные предметы и явления, которые существуют в реальном мире, во времени и пространстве, и могут быть познаны, а себе оставили неуловимые абстракции, не являющиеся "онтологической реальностью". Однако они наконец получили хоть и эфемерный и непознаваемый, но собственный объект изучения!...

Автор этих строк... вовсе не собирается отдавать культуру психологам... Но в еще меньшей степени он склонен подменить материальную сущность культуры ее призраком. Ни одна наука не может иметь объектом своего изучения нечто, состоящее из ...онтологически не существующих "абстракций"⁴⁶.

В своей знаменитой работе «Теория культурных изменений» (1955) Дж. Стюард назвал Г. Чайлда и Л. Уайта главными адептами теории универсальной эволюции, которую он отличает от концепции однолинейной эволюции Моргана–Тайлора. Концепция однолинейной эволюции, по Дж. Стюарду, «постулирует, что все общества проходят одинаковые стадии развития». Концепция универсальной эволюции – слегка модифицированная версия однолинейной эволюции, но она скорее имеет дело с культурой вообще, чем с отдельными видами культур⁴⁷. По мнению Дж. Стюарда, Г. Чайлд и Л. Уайт преувеличили крайне широкие генерализации однолинейных эволюционистов за счет отказа от признания дивергенции и локальных вариаций, вследствие чего их эволюционные последовательности оказались «настолько обобщенными, что не представлялись ни доказательными, ни полезными»⁴⁸.

Если в отношении Л. Уайта, по крайней мере его теоретических работ и деклараций, с мнением Дж. Стюарда еще можно согласиться при соответствующих оговорках и уточнениях, то по отношению к Г. Чайлду его выводы просто неверны. В книгах «Человек делает себя сам» и «Что случилось в истории» Г. Чайлд неустанно подчеркивал локальные особенности, значение исторической дивергенции и диффузии. А в своей теоретической работе «Социальная революция» он даже усилил акцент на дивергенции и диффузии. Так, например, в результате сравнения эволюционных последовательностей в Европе с умеренным климатом, Средиземноморье, долине Нила и Месопотамии Г. Чайлд пришел к выводу, что итог эволюции – цивилизация – в сущности всюду один, хотя в каждом случае «промежуточные шаги развития не обнаруживают даже абстрактного параллелизма»⁴⁹. И далее он пишет: «Итак, наблюдаемые последовательности развития в деревенской экономике не дают параллелей; поэтому они не могут использоваться для выделения стадий, общих для всех изученных последовательностей»⁵⁰.

Как заметил С. Сандерсон, после таких заявлений Чайлда остается лишь удивляться, почему он «вовсе не отказался от эволюционизма ради исторического партикуляризма»⁵¹. Его акценты на исторической дивергенции столь существенны, что Брюс Триггер, один из лучших знатоков творчества этого ученого на Западе, вынужден был признать, что «его видение эволюции было, по крайней мере, таким же многолинейным, как видение Джулиана Стюарда»⁵².

Чайлд и американские отцы-основатели неозволюционизма. Кстати, сам Дж. Стюард начинал свою эволюционистскую карьеру под сильным влиянием работ Г. Чайлда и Л. Уайта. И прежде чем он выдвинул концепцию многолинейной эволюции (1955), Стюард успел заявить о себе как о незаурядном толкователе концепции однолинейной эволюции в статье «Причинность и закон в культуре: пробная формулировка развития ранних цивилизаций» (1949). «Эта статья стала межевым столбом в возрождении эволюционизма в общественных науках, – пишет С. Сандерсон, – потому что в ней при помощи заслуживающих доверия эмпирических данных убедительно подтверждалось наличие несомненных параллелей в культурной эволюции различных регионов мира»⁵³.

Под впечатлением от работ Г. Чайлда и Л. Уайта Дж. Стюард попытался обосновать археологическими материалами тезис о том, что общества Месопотамии, Египта, Индии, Китая, Перу и Мезоамерики претерпели очень сходную эволюцию от простых охотников и собирателей до сложных аграрных цивилизаций. По совокупности отличительных культурных черт Дж. Стюард выделил пять стадий развития, характерных для каждого региона (вместо термина «стадия» он употреблял термины «культурный тип», «период» или «эра»): период охоты и собирательства; период раннего земледелия (начинается с первых опытов культивации и завершается к тому моменту, когда земледелие становится основой существования общества); формативная эра (для нее характерны локальный уровень интеграции, начало строительства ирригационных сооружений в масштабах общины); эра региональной интеграции и расцвета (в этот период расширяются ирригационные работы, возрастает экономическая специализация, упрочивается классовая стратификация и возникают многообщинные государства); эра циклических завоеваний (характеризуется созданием «империй» или «коалиций», урбанизацией, детальной разработкой и регламентацией систем социальной стратификации)⁵⁴.

Показательно, что Дж. Стюард был очень озабочен вопросом о границах применения своей схемы эволюционного развития. Он всячески стремился подчеркнуть, что его схема носит предварительный и приблизительный характер. Стюард отмечал, что она применима только к засушливым и полусушливым регионам, в которых возникали ранние цивилизации, и не может рассматриваться как всемирная эволюционная схема. В первой половине 1950-х годов исследователь обнаружил, что некоторые эмпирические данные не соответствуют его эволюционной схеме, в результате чего сильно разочаровался в собственной схеме и отказался от нее. По поводу этого

драматического поворота в научной карьере Стюарда никто не сказал лучше неоеволюциониста Роберта Карнейро, который писал: «Итак, даже не имея представления о том, что он сделал, Стюард отвернулся от однолинейной эволюции и связал свою судьбу с той разновидностью эволюционизма, которую он стал называть многолинейной»⁵⁵. В 1960-е годы эволюционная схема развития американских цивилизаций, предложенная Стюардом, получила всеобщее признание в Новом Свете и вошла в учебники по антропологии и археологии⁵⁶.

Свою дальнейшую деятельность Дж. Стюард посвятил изучению адаптации конкретных культур в специфических условиях окружающей среды и получил известность как основатель «культурной экологии». Эту версию эволюционной теории он считал наилучшей по сравнению с другими современными версиями (особенно Л. Уайта), от которых культурная экология отличается «тем, что она вводит локальные условия среды как внесекторный фактор в бесплодное допущение о том, что культура происходит от культуры»⁵⁷. Эволюцию культур Дж. Стюард представлял себе как результат развивающейся по спирали положительной обратной связи, включающей несколько переменных (технология, демография, социальная организация, идеология и др.), первоначально приведенных в действие особым сочетанием экологических условий. Стюард признавал наличие прогресса в эволюции культур, однако считал, что направление эволюции носит случайный характер и что «не существует принципа культурного развития, который позволял бы предсказать появление таких специфических нововведений, как лук, плавка металла, письменность, племенные кланы, государства или города»⁵⁸.

В отличие от Дж. Стюарда Л. Уайт полагал, что направленность культурной эволюции носит закономерный характер, и заявлял, что «мы можем предсказывать направление эволюции»⁵⁹. Следуя за Л.Г. Морганом и О. Контом⁶⁰, он если не отождествлял эволюцию с прогрессом, то по крайней мере рассматривал прогресс как неотъемлемую черту культурной эволюции. По Уайту, «эволюция культуры со времени ее зарождения... до настоящего времени» есть не что иное, как «полная приключений история прогресса вида», сумевшего «достичь господства среди других животных и контроля над средой обитания»⁶¹. Свое представление о том, что процесс эволюции культуры детерминирован и носит прогрессивный характер, Л. Уайт обосновывал с помощью открытого им «основного закона эволюции», который гласит: «культура переходит на следующий уровень развития, если возрастает количество обузданной энергии на душу населения в год, или если возрастает эффективность технологических средств использования этой энергии, или если действие обоих факторов возрастает одновременно»⁶². Л. Уайт рассматривал культуру как термодинамическую систему, способную извлекать энергию из окружающей среды и накапливать ее. Как можно видеть, приведенный выше закон связывает уровень культурной эволюции с количеством энергии, извлекаемой и расходуемой на душу населения в год, и, таким образом, обосновывает прогрессивную направленность культурных изменений.

В прогрессивном развитии культуры Л. Уайт различал качественный скачок на новый уровень развития, обусловленный открытием и потреблением принципиально новых источников энергии, и количественный рост, связанный с совершенствованием орудий труда или, иначе, технологических средств использования энергии. «Ни одна культурная система, основанная на энергии человеческого тела, не может сколь бы то ни было долго развиваться, – писал Л. Уайт. – Можно достичь некоторого прогресса за счет увеличения эффективности орудий труда, применяющих эту энергию, но в самом основании заложен предел культурного развития»⁶³. Прошли сотни тысяч лет относительно медленного развития в эпоху палеолита прежде, чем «под влиянием расширения энергетических ресурсов, вызванного переходом к земледелию и скотоводству», произошел скачок в культурном развитии. По Л. Уайту, вслед за периодом быстрого роста, вызванного аграрной революцией, «кривая прогрессивного развития постепенно выровнялась, и развитие замедлилось»⁶⁴. Следующий скачок в культурном

развитии, по его мнению, был связан с «топливной революцией» (использование энергии угля, позже нефти и газа), начавшейся около 1800 г. н.э.

Л. Уайт полагал, что степень достигнутого прогресса поддается объективной оценке, критерием которой служит степень выживания и безопасности членов общества. Лучший показатель степени выживания и безопасности, по Уайту, – количество энергии, освоенной (т.е. не только извлеченной, но и использованной) на душу населения в год, ибо чем больше энергии освоила культура, тем более долгую, безопасную и комфортабельную жизнь она может обеспечить своим носителям.

На первый взгляд, уайтовский энергетический критерий оценки степени прогресса выглядит гораздо более солидным, чем тот удивительно простой критерий оценки, который обычно использовал в своих работах Г. Чайлд. Последний полагал, что прогресс лучше всего оценивается числом людей, живущих при данном «способе производства» (это понятие Чайлд использовал как синоним «способа экономической жизни»). Так, в книге «Человек делает себя сам» он утверждал, что «неолитическая революция» привела к социальному прогрессу, поскольку в результате этой революции сильно возросло население: «С биологической точки зрения, новая экономика была успехом; она сделала возможным умножение человеческого рода»⁶⁵. Точно так же и городская революция была прогрессом, поскольку она привела к дальнейшему умножению человеческого рода.

Вместе с тем Г. Чайлд ясно осознавал, что такой простой критерий, взятый сам по себе, нельзя механически применять для оценки степени прогресса. Он понимал, что прогресс должен оцениваться не только с точки зрения умножения человеческого рода, но и с точки зрения улучшения качества жизни – долголетия, здоровья, комфорта и т.п. Кроме того, в работах Л. Уайта нигде не встречается именно количественная оценка извлекаемой или используемой энергии. Оценка эффективности нового источника энергии осуществлялась им по результатам социокультурного развития. Здесь Л. Уайт использовал такие показатели, как численность населения, масштабы политического объединения, размеры городов, размах архитектурных и инженерных сооружений, производство и потребление богатств и т.д. Но эти же показатели для оценки степени прогресса использовал и Г. Чайлд. К тому же на практике уайтовская оценка эффективности нового источника энергии обычно сводилась к оценке технологических средств извлечения и использования энергии, короче, к заурядному технологическому детерминизму, в котором нередко и не без оснований обвиняют как Л. Уайта, так и Г. Чайлда⁶⁶.

О склонности Г. Чайлда к технологическому детерминизму свидетельствует его толкование городской революции, которое чрезмерно концентрируется на технологических факторах как главных факторах, вызвавших эту революцию. Достаточно напомнить изложенный выше сюжет о роли плуга в городской революции или такое заявление Чайлда: «Бронзовый топор... не только является большим достижением сам по себе, но и предполагает наличие более развитых экономической и социальной структур»⁶⁷. Явно под влиянием стадиялистов Г. Чайлд слишком настойчиво увязывал разные типы социальной организации с каменными, бронзовыми и железными орудиями. И все же его оговорки о том, что технология в свою очередь обуславливается социальными и экономическими условиями, не позволяют видеть в его работах нечто большее, чем расплывчатый технологический детерминизм.

Несмотря на стремление следовать дюркгеймовскому тезису о том, что «культуру можно понять, исходя только из самой культуры»⁶⁸, Л. Уайт открыто стоял на позициях технологического детерминизма. И хотя это общеизвестно, все же стоит процитировать следующий характерный отрывок из уайтовской работы «Энергия и эволюция культуры»: «Технологическая система первична; она лежит в фундаменте. Социальные системы являются функциями от технологических; философские производны от производительных сил и отражают социальные отношения. Технологический фактор, таким образом, является детерминантой культурной системы в целом. Он определяет форму социальных систем... Конечно, нельзя утверждать, что социальные системы ни-

коим образом не влияют на технологические процессы, или что философия не оказывает никакого влияния на социальную и технологическую систему... Но влиять это одно; определять – другое»⁶⁹.

Следствием технологического детерминизма были сомнительные заявления Л. Уайта о том, что культуры Западной Европы до 1800 г. н.э. не достигли уровня развития древневосточных цивилизаций: «Но если рассматривать культуры в целом..., то культуры Европы в период между распадом Римской империи и до начала топливной эры не достигли уровня, свойственного древним цивилизациям Востока»⁷⁰. В первоначальном варианте цитируемой статьи Л. Уайт также утверждал: «Поскольку речь идет об общем типе культуры, не существует фундаментальных различий между культурой Греции времен Ахеменидов и культурой Западной Европы в начале восемнадцатого столетия»⁷¹. Очевидно, что делать подобные заявления Л. Уайт мог, лишь совершенно игнорируя многие важные нетехнологические (социальные, политические, идеологические и др.) различия между культурами Древней Греции, Древнего Востока и Западной Европы XVIII в.

Применение объективных критериев, используемых Г. Чайлдом и Л. Уайтом для определения степени достигнутого прогресса, сталкивалось с серьезными затруднениями. Ведь совершенно очевидно, что в некоторых отношениях городская революция сопровождалась регрессом в жизни людей: участились войны и развился милитаризм; возникло глубокое социальное и экономическое расслоение; налоги и принудительный труд легли тяжелым бременем на массы населения; подавляющее большинство населения получало ничтожную долю производимого богатства, а благами прогресса воспользовалась немногочисленная правящая элита, присвоившая себе львиную долю богатств. Обо всех этих противоречивых последствиях прогресса Г. Чайлд и Л. Уайт хорошо знали и писали в своих работах. Эти факты должны были вызывать особое беспокойство у последнего, поскольку они противоречили термодинамическому обоснованию прогресса. Возможно даже, что уже в то время у Л. Уайта закрадывались некоторые сомнения, свидетельством чего могут служить глухие намеки на пессимистическую оценку будущих последствий «атомной революции»⁷² и тот факт, что под конец жизни он пришел к пессимистическому выводу об иллюзорности своей прежней веры в прогресс⁷³. Но тогда, в 1940-1950-е годы, преодолеть сомнения Л. Уайту помогли доводы авторитетного и более искушенного в диалектике Г. Чайлда.

В своей книге «Человек делает себя сам» Чайлд признавал, что в некоторых отношениях городская революция была регрессом в жизни людей, но при этом подчеркивал, что общий прогресс – это факт истории, несмотря на застои и попятные движения. Что касается противоречивых последствий социальной эволюции, то они объясняются, по мнению исследователя, диалектикой самого прогресса: «Предрассудки прошлого, – писал он, – столь же бесполезно осуждать, как бесполезно жаловаться на уродливые леса, необходимые для возведения красивого здания. Это ребячество спрашивать, почему человек не пошел по пути прогресса прямо от убожества "доклассового" общества к великолепию бесклассового рая, пока еще нигде полностью не реализованного. Возможно, конфликты и противоречия... сами по себе составляют диалектику прогресса. В любом случае они суть факты истории. Если они нам не нравятся, это не означает, что прогресс есть обман, но просто означает, что мы не поняли ни фактов, ни прогресса, ни человека»⁷⁴.

Изложенные выше рассуждения Г. Чайлда – хороший пример его диалектики, навеянной стадиялистскими влияниями. Подобные рассуждения с намеками на борьбу противоположностей, на развертывание противоречий и скрытых внутренних потенций в ходе развития, в то время трудно воспринимавшиеся американскими антропологами, до сих пор вызывают сетования на туманность и двусмысленность чайлдовских высказываний⁷⁵. Не будет преувеличением сказать, что как только Г. Чайлд начинал говорить языком диалектики, понятным советским стадиялистам 1930–1950-х годов, американцам он казался пришельцем с другой планеты. Правда, в книгах «Человек делает себя сам» и «Что случилось в истории» таких рассуждений не так уж много.

Был ли Чайлд настоящим марксистом? Был ли Чайлд настоящим марксистом и оставался ли он таковым до конца своей жизни? Эти вопросы вот уже полвека занимают умы исследователей творчества Г. Чайлда на Западе. Данные вопросы, некогда очень актуальные для советских ученых, теперь, после политического поражения марксизма и падения его авторитета, приобретают лишь академический интерес. Теперь и мы можем дать оценку творчеству Чайлда без ложных пристрастий.

Очевидно, что Г. Чайлд всегда считал себя марксистом как в политическом, так и в теоретическом отношении. В книге «Человек делает себя сам» он открыто заявил, что присоединяется к реалистической концепции истории К. Маркса. А в книге «Шотландия до шотландцев» Чайлд не постеснялся столь же открыто признать, что свой метод исследования позаимствовал у советских стадиялистов. Некоторое время он даже проявлял особый интерес к творчеству создателя теории о стадийном развитии языка Н.Я. Марра. Работы Г. Чайлда насыщены ссылками, аллюзиями, а иногда и прямыми обсуждениями отдельных идей и высказываний Маркса, к тому же он часто использовал язык диалектики, совершенно чуждый партикуляристской традиции в антропологии Великобритании и США. Марксистский период своего творчества, начавшийся около 1934 г., сам Г. Чайлд оценивал как зрелый – подлинно «чайлдовский» (childeish) период в отличие от предшествующего «детского» (childish) периода⁷⁶.

На Западе распространено убеждение, будто Г. Чайлд в конце жизни разочаровался в марксизме и отошел от него. Так считал Г. Даниел, лидер британского скептического направления в археологии, хорошо знавший Чайлда⁷⁷. Так думали и более поздние исследователи его творчества Г. Кларк и Б. Триггер⁷⁸. Однако с их мнением трудно согласиться. Дело в том, что на Западе разочарование Г. Чайлда в марристской (стадиялистской) версии марксизма обычно отождествляют с отходом от марксизма вообще. Это, безусловно, неверно. Как справедливо заметил Л.С. Клейн, ни в прощальном критическом письме Чайлда к советским археологам (декабрь 1956 г.)⁷⁹, в котором жестко критикуются взгляды отдельных лидеров советской археологии и постановка археологических исследований в СССР, ни в его прощальной лекции лондонским студентам в 1956 г. «нет отказа от марксизма – ни субъективно, ни объективно. Есть лишь горькое разочарование в марровских крайностях, и только. Суть марксизма здесь не затрагивается»⁸⁰.

С. Сандерсон в своей критической истории эволюционизма решил сместить акценты и отнес Г. Чайлда вместе с Л. Уайтом к «периферийной разновидности марксизма»⁸¹. По его мнению, реалистический взгляд Чайлда на историю можно представить в качестве марксистского лишь в простейшем и самом общем смысле – как теорию, выделяющую экономические и технологические условия в качестве ведущих факторов исторического развития. А нередко чайлдовский марксизм сводился к чему-то немногим большему, чем разновидность технологического детерминизма. «Лучшее, что можно сказать, – подводит итог С. Сандерсон, – это то, что Чайлд придерживался очень вольной версии марксистской концепции истории, которая нигде обстоятельно не разъяснялась в его работах и, таким образом, всегда допускала двойное толкование»⁸².

С мнением С. Сандерсона в целом можно согласиться. Действительно, ни в одной работе Г. Чайлд не попытался обстоятельно изложить свой метод, который понятен лишь в контексте стадиялистской парадигмы с ее упрощенностью, приверженностью к диалектике и одновременно склонностью к экономическому и технологическому детерминизму. Отсюда понятны жалобы американцев на недосказанность и двусмысленность теоретических формулировок Чайлда. Но отнести его к периферийной разновидности марксизма – это уж слишком! В нашей стране мы это уже проходили, когда разгромленных стадиялистов в 1950-е годы чуть было не отлучили от марксизма. Когда страсти улеглись, то стало очевидно, что суть стадиялистской парадигмы заключалась не только в упрощениях и вульгаризации некоторых положений марксистской теории, но прежде всего в том, что это была яркая и оригинальная интерпретация марксизма в археологии, этнологии и истории. Что касается Г. Чайлда, то он вовсе не

был простым интерпретатором марксизма на Западе. Чайлд сумел осуществить оригинальный синтез господствовавшей в Советском Союзе стадиялистской парадигмы и партикуляристской традиции Запада. В результате этого синтеза родился чайлдовский метод, хотя и не получивший обстоятельного теоретического разъяснения, но практически реализованный в его многочисленных книгах по истории.

Примечания

- ¹ Аверкиева Ю.П. История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979. С. 219, 223.
- ² Sanderson S.K. Social Evolutionism: A Critical History. Cambridge; Massachusetts, 1990. P.2.
- ³ Claessen H.J.M. Structural change: Evolution and Evolutionism in Cultural Anthropology. Leiden, 2000. P. 33.
- ⁴ Аверкиева Ю.П. Указ. раб. С. 219.
- ⁵ Там же. С. 223.
- ⁶ Ю.П. Аверкиева лишь упомянула доклад Дж. Стюарда на нью-йоркском конгрессе антропологов в 1952 г., который свидетельствовал о том, что он испытал влияние Л. Уайта и Г. Чайлда. См.: Аверкиева Ю.П. Указ. раб. С. 229. Блестящий очерк «Чайлд и советская археология» написан Л.С. Клейном (см.: Клейн Л.С. Феномен советской археологии. СПб., 1993. С. 104–117), но он ограничен рамками избранной темы.
- ⁷ Шэдел Р. Варианты протогосударственных обществ во временной последовательности // Альтернативные пути к ранней государственности. Владивосток, 1995. С. 59.
- ⁸ Sanderson S.K. Op. cit. P. 75–83.
- ⁹ Childe V.G. The Dawn of European Civilization. L., 1925. P. 2.
- ¹⁰ Чайлд В.Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956. С. 24–25.
- ¹¹ Клейн Л.С. Указ. раб. С. 111.
- ¹² Г. Чайлд не знал, что подлинным автором книги «Родовое общество степей восточной Европы», так восхитившей его, были не А.П. Круглов и Г.В. Подгаецкий, а их учитель Б.А. Латынин. Незадолго до приезда Чайлда Латынин был репрессирован. Чтобы спасти его труд для науки, Круглов и Подгаецкий издали книгу под своими именами, «а когда Латынин вернулся неизмеримо истощенным инвалидом, их уже не было в живых: один погиб на фронте, а другой умер в блокадном Ленинграде, и Латынин не считал возможным перечеркивать их имена на своей книге» (см.: Клейн Л.С. Указ. раб. С. 106).
- ¹³ Childe V.G. Retrospect // Antiquity. V. XXXII. № 126. P. 71.
- ¹⁴ Childe V.G. Man Makes Himself. L., 1936. P. 7.
- ¹⁵ Childe V.G. What Happened in History. Harmondsworth, 1942.
- ¹⁶ Childe V.G. Social Evolution. L., 1951.
- ¹⁷ Кларк Дж.Г.Д. Доисторическая Европа. М., 1953. С. 28.
- ¹⁸ Childe V.G. What Happened in History. N. Y., 1946. P. 18ff.
- ¹⁹ Wittfogel K.A. Oriental Despotism. New Haven, 1957. P. 409.
- ²⁰ Клейн Л.С. Указ. раб. С. 106.
- ²¹ Childe V.G. Social Evolution. P. 35.
- ²² Клейн Л.С. Указ. раб. С. 108.
- ²³ Childe V.G. Scotland before Scotts. L., 1946. P. V, VII.
- ²⁴ Ibid. По замечанию Л.С. Клейна, это наиболее выдающаяся из марксистских книг Чайлда (Клейн Л.С. Указ. раб. С. 106).
- ²⁵ Childe V.G. Prehistoric Migrations in Europe. Institutet for Sammenlignende Kulturforskning, 1950.
- ²⁶ Childe V.G. The Prehistory of European Society. N. Y., 1958.
- ²⁷ Childe V.G. Social Worlds of Knowledge. Oxford, 1949; *Idem*. What is History? N. Y., 1953; *Idem*. Piccing Together the Past: the Interpretation of Archaeological Data. L., 1956.
- ²⁸ Клейн Л.С. Указ. раб. С. 108.
- ²⁹ Чайлд В.Г. У истоков европейской цивилизации. М., 1952; *Его же*. Древнейший Восток...
- ³⁰ Service E.R. Origins of the State and Civilization. N. Y., 1975. P. 5.
- ³¹ Sanderson S.K. Op. cit. P. 76.
- ³² Service E.R. Op. cit. P. 280.
- ³³ Childe V.G. What Happened in History. P. 90–94.
- ³⁴ Childe V.G. Man Makes Himself. P. 202–204.
- ³⁵ Childe V.G. The Urban Revolution // Town Planning Review. V. 21. № 1. P. 3.
- ³⁶ Service E.R. Op. cit. P. 281. В этом исследовании Э. Сёрвис убедительно показал, что архаические цивилизации могут возникать до появления «настоящих городов», и сами являются предпосылкой для их зарождения.

- ³⁷ Childe V.G. The Urban Revolution. P. 3–17.
- ³⁸ Wittfogel K.A. Op. cit. P. 408.
- ³⁹ Резкость замечаний К. Виттфогеля во многом объясняется тем, что он смотрел на Г. Чайлда как на оппонента, открыто симпатизирующего И.В. Сталину.
- ⁴⁰ Sanderson S.K. Op. cit. P. 78.
- ⁴¹ Childe V.G. Man Makes Himself. P. 190.
- ⁴² См., напр.: Уайт Л.А. Эволюция культуры и американская школа исторической этнологии // Сов. этнография. 1932. № 3. С. 54–86; White L.A. Energy and the Evolution of Culture // Amer. Anthropologist. 1943. V. 45. № 3. P. 335–356.
- ⁴³ Цит. по: Клейн Л.С. Указ. раб. С. 116.
- ⁴⁴ Childe V.G. Man Makes Himself. P. 94–95.
- ⁴⁵ Уайт Л.А. Понятие культуры // Антология исследований культуры. Т.1. СПб., 1997. С. 21, 23, 27; *ego же*. Концепция эволюции в культурной антропологии // Там же. С. 544–546, 549.
- ⁴⁶ Уайт Л.А. Понятие культуры. С. 20.
- ⁴⁷ Steward J.H. Theory of Culture Change: the Methodology of Multilinear Evolution. Urbana, 1955. P. 4.
- ⁴⁸ Ibid. P. 17.
- ⁴⁹ Childe V.G. Social Evolution. P. 161.
- ⁵⁰ Ibid. P. 162.
- ⁵¹ Sanderson S.K. Op. cit. P. 79.
- ⁵² Trigger B.G. Gordon Childe: Revolutions in Archaeology. L., 1980. P. 174.
- ⁵³ Sanderson S.K. Op. cit. P. 92–93.
- ⁵⁴ Steward J.H. Cultural Causality and Law: a Trial Formulation of the Development of Early Civilizations // Amer. Anthropologist. 1949. V. 51. P. 7ff.
- ⁵⁵ Carneiro R.L. The Four Faces of Evolution // Handbook of Social and Cultural Anthropology. Chicago, 1973. P. 96.
- ⁵⁶ См., напр.: Deetz J. Invitation to Archaeology. N. Y., 1967. P. 130–133; Sanders W.T. and Price B.J. Mesoamerica: The Evolution of a Civilization. N. Y., 1968; Service E.R. Op. cit. P. 6, 165; Рус А. Народ майя. М., 1986. С. 48–50.
- ⁵⁷ Steward J.H. Theory of Culture Change. P. 36.
- ⁵⁸ Steward J.H. Cultural Evolution // Steward J.H. Evolution and Ecology: Essays on Social Transformation. Urbana, 1977. P. 60.
- ⁵⁹ White L.A. The Science of Culture: it study of man and civilization. N. Y., 1949. P. 230.
- ⁶⁰ Уайт Л.А. Эволюция культуры и американская школа... С.61, 67; *ego же*. Наука о культуре // Антология исследований культуры. С. 143–146.
- ⁶¹ Уайт Л.А. Энергия и эволюция культуры. С. 461.
- ⁶² White L.A. Energy and the Evolution of Culture. P. 338. Перевод Е.М. Лазаревой неточен. Ср.: Уайт Л.А. Энергия и эволюция культуры. С. 444.
- ⁶³ Уайт Л.А. Энергия и эволюция культуры. С. 444.
- ⁶⁴ Там же. С. 447.
- ⁶⁵ Childe V.G. Man Makes Himself. P. 40.
- ⁶⁶ Sanderson S.K. Op. cit. P. 82, 87, 96, 98.
- ⁶⁷ Childe V.G. Man Makes Himself. P. 7, 9.
- ⁶⁸ Уайт Л.А. Энергия и эволюция культуры. С. 463.
- ⁶⁹ Там же. С. 442.
- ⁷⁰ Там же. С. 447.
- ⁷¹ White L.A. Energy and the Evolution of Culture. P. 344.
- ⁷² Уайт Л.А. Энергия и эволюция культуры. С. 461–463.
- ⁷³ Sanderson S.K. Op. cit. P. 97.
- ⁷⁴ Childe V.G. Man Makes Himself. P. 268.
- ⁷⁵ Sanderson S.K. Op. cit. P. 80, 96.
- ⁷⁶ Childe V.G. Retrospect. P. 70.
- ⁷⁷ Daniel G.E. Editorial // Antiquity. V. XXXII. № 126. P. 65–68.
- ⁷⁸ Clark O.G.S. Prehistory since Childe // Bulletin of the Institute of Archaeology. University of London. 1976. № 13. P. 1–21; Trigger B.G. Gordon Childe: Revolutions in Archaeology. L., 1980.
- ⁷⁹ Отрывки этого письма опубликованы Л.С. Клейном. См.: Клейн Л.С. Указ. раб. С. 113–115.
- ⁸⁰ Там же. С. 116.
- ⁸¹ Sanderson S.K. Op. cit. P. 100.
- ⁸² Ibid. P. 81.

The paper deals with the British archeologist and prehistorian Gordon Child's contribution to the revival of evolutionism in American cultural anthropology. Some of his theoretic views are discussed. The Marxist period of his work after 1943 Gordon Child himself assessed as mature and truly *childeish*, in contradistinction to his prior work, which he defined as *childish*.

According to American critics of his work, his version of Marxian historiosophy has been unorthodox, and his method, as it is claimed by the author of the article, could be properly appreciated only within the paradigm of evolutionary stages with all its oversimplifications, its adherence to dialectics, and to economic and technological determinism. The author also claims that G. Child has not been just another interpreter of Marxism in the West; he produced an original synthesis of the dominant in the Soviet Union evolutionary stage paradigm and the particularistic tradition of the West. His method was a product of this synthesis, and though he did not provide a thorough theoretical elaboration of it, he used it in his numerous books on prehistory.